

ДЖУЗЕППЕ БЕРТИ

АНТонио ЛАБРИОЛА И ИТАЛЬЯНСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Творческое наследие Антонио Лабриолы настолько многообразно, что, разумеется, в рамках одной статьи охватить все его аспекты невозможно.

Лабриола, по словам Грамши, стремился утвердить марксизм в итальянской культуре как самостоятельную философию, действительно способную разрешить основные проблемы истории Италии¹.

Долгое время мы не уделяли должного внимания изучению мыслей и деятельности Антонио Лабриолы. В числе причин, обусловивших это упущение, следует указать на всякого рода ошибочные и предвзятые суждения о философских взглядах Лабриолы и его деятельности в целом. Распространению таких суждений способствовали Бенедетто Кроче, с одной стороны, Филиппо Турати — с другой.

Наша задача заключается сейчас в том, чтобы восстановить истину. Об этом писал Пальмиро Тольятти в работе, дающей идейное направление разработке теоретического наследия Лабриолы. «Основной вопрос, который необходимо ставить в первую очередь и в свете которого следует изучать и решать другие, частные проблемы, — указал он, — это вопрос о той выдающейся роли, которую играл Лабриола в XIX в., в момент, когда итальянская общественная мысль переживала кризис и разброд, в момент, когда назрел перелом в ее развитии. На долю Лабриолы выпала задача осуществить практически в нашей стране, в конкретных условиях исторического развития Италии, тот коренной идейный переворот, который марксизм осуществил во всей европейской культуре»².

Известно, что Энгельс называл Лабриолу «строгим последователем Маркса»³. Если познакомиться с перепиской, которую Энгельс вел с Лабриолой и с Турати, можно убедиться, что Энгельс никого из итальянских социалистов так не любил и не уважал, как Антонио Лабриолу. Энгельс стремился помочь Лабриоле преодолеть определенные затруднения, которые тот испытывал, когда пытался соединить теорию марксизма с рабочим движением. При этом Энгельс, как правило, поддерживал Антонио Лабриолу против Турати, поддерживал даже тогда, когда приходилось поправлять некоторые увлечения Лабриолы. К сожалению, письма Энгельса к Лабриоле утеряны, но о помощи Энгельса ему можно судить по сохранившимся письмам Лабриолы к Энгельсу и Энгельса к Турати.

Важное значение имеет оценка Лениным теоретической деятельности Лабриолы. Книгу Лабриолы «Очерки материалистического понимания истории» Ленин назвал превосходной⁴. Среди марксистских работ Ленин

¹ A. Gramsci. Il materialismo storico e la filosofia de Benedetto Croce. Torino, 1951, p. 79—82.

² P. Togliatti. Per una giusta comprensione del pensiero di Antonio Labriola.— «Rinascita», 1954, № 4, p. 256.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 276.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 453.

* * *

Каков был путь формирования идеологических воззрений Антонио Лабриолы?

Первой школой философской мысли явилась для него так называемая «неаполитанская гегельянская школа», к левому крылу которой примыкали выдающиеся итальянские мыслители Франческо де Санктис и Бертраудо Спавента. Их учеником и был Антонио Лабриола.

Сила левых гегельянцев заключалась в том, что, пытаясь более или менее успешно избавиться от реакционной, формальной стороны философии Гегеля, они стремились воспринять животворный дух его диалектики. Для них гегельянство означало прежде всего метод исследования, основывающийся на диалектике, метод, который следовало подвергнуть проверке фактами в ходе изучения материального мира и человеческого общества. Философские взгляды де Санктиса и Спавенты знаменовали собой наивысшую точку развития итальянской философии, которой достигла тогда прогрессивная итальянская интеллигенция. Более того, неаполитанские левые гегельянцы были по существу радикалами и в области политической. Они по-своему пытались быть «либералами с народом», интересовались судьбами народа, судьбами крестьян Юга. Они мечтали о новом государстве, «этическом государстве», в котором, как говорил Спавента, «наибольшее число людей имело бы возможность получать знания и пользоваться благами жизни». Однако все концепции левых гегельянцев оставались лишь чисто философскими построениями.

Значительно большую, пожалуй, решающую роль в формировании прогрессивной общественной мысли того времени сыграли деятели «партии действия» — демократы. Хотя их неустанные обращения к народу и не привели к союзу революционной буржуазии с народом, т. е. прежде всего с крестьянскими массами, тем не менее не остались без отклика. Настойчивая, страстная агитация демократов содействовала образованию все более широкого круга революционеров, которые в определенный момент действительно стали спланивать массы и привлекать их к участию в политической жизни. Это было новым явлением в итальянской общественной жизни.

Заслуга Антонио Лабриолы заключается именно в том, что он в новую эпоху сравнительно бурного экономического развития, подъема промышленности, количественного и качественного роста пролетариата сумел перевести на более высокую ступень — как в теории, так и на практике — идейные устремления мыслителей левогегельянского направления и демократов из «партии действия», что он сумел произнести то слово, которое ни те, ни другие не могли сказать и которое заключало в себе возможность подлинного возрождения, глубокого обновления итальянской нации, — слово «социализм». Сначала этот термин отражал лишь смутную, инстинктивную тягу к единственно возможному выходу, а впоследствии стал для Лабриолы строго научным понятием, озаренным светом марксизма.

В конце 1873 г. Лабриола переехал из Неаполя в Рим; начался новый период его жизни. Этот год был трудным для Италии. Журнал «Opinione» так охарактеризовал его: «Скоро канет в бездну веков 1873 год... Судорожные финалсовые конвульсии Австрии, Германии, Соединенных Штатов Америки, в той или иной мере сказавшиеся повсюду, скудный урожай и рост цен на продовольственные товары, тревожные настроения трудящихся и тех, кто имеет незначительные постоянные доходы... — все

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 69.

это привело к тому, что 1873 год не заслуживает даже прощального слова»⁶. Этот год характеризовался, кроме того, разгоревшейся с новой силой борьбой между государством и церковью.

После кризиса, который пережила Италия в 60-е годы XIX в., мало кто был доволен положением дел в стране. В тот период наиболее модным литературным жанром стала резкая, избилующая взаимными нападками полемика. Республиканцы нападали и грызли удила. Гарибальдийцы поносили правительство по любому случаю, в любой форме, любым образом. Интернационалисты нападали и бунтовали. Либералы пользовались, как правило, умеренными методами, но тоже нападали. Католики не только нападали на правительство, но люто ненавидели его и предавали анафеме. К тому времени Италия уже перестала быть страной, в которой господствовали феодально-абсолютистские порядки, но не стала еще страной, в которой буржуазные либеральные порядки получили широкое и прочное развитие. К старым бедам прибавились новые. Италия переживала очень трудный период, отмеченный глубокими противоречиями и резкими столкновениями.

Именно в это время Антонио Лабриола находит путь к социализму. Прибыв в Рим, он начал борьбу против либералов, выступая с позиции демократа. Много лет спустя, в июне 1889 г., читая лекцию в римском рабочем кружке по изучению общественных наук, Лабриола сказал: «К социализму я пришел под влиянием недовольства нынешним общественным строем и в результате непосредственного изучения явлений. Начиная с 1873 г. я выступал со статьями против основных принципов либеральной платформы, а с 1879 г. я пошел по пути новой духовной веры, в которой я утвердился в результате исследований и наблюдений, сделанных за последние три года»⁷. В 1890 г. в одном из писем к Энгельсу Лабриола назвал в основном те же причины, которые побудили его примкнуть к социализму⁸.

В январе — феврале 1876 г. Лабриола впервые выступил с лекциями в одном из рабочих кружков Рима. Тогда-то газеты в первый раз упомянули о нем как о социалисте. Об этом он рассказал своему старому учителю Спаvente в письме от 10 февраля 1876 г., провозгласив при этом как свое кредо, что «здравый смысл куда лучше, чем весь этот наш фиктивный мир бюрократической науки»⁹.

Это был как раз год, когда правая, либерально-монархическая группировка вынуждена была отказаться от власти. Начался период «трансформизма»¹⁰. В общественной жизни Италии начал складываться новый тип буржуазии, отличавшейся от той обуржуазившейся пьемонтской и ломбардской знати, которая составляла прежний правящий класс. Наступила новая эра — эра торговцев, аферистов, дельцов, спекулянтов, биржевых маклеров, — всех тех, кто жаждал быстрой и легкой наживы. В известном смысле «трансформизм» объединил итальянскую буржуазию, увлекая ее по пути коррупции, аферизма, экономических и финансовых махинаций, парламентских маневров и т. п. Это походило на подлинную бурю, сметавшую на своем пути идеалы, незыблемые принципы, нравственные критерии, прежний образ жизни и мыслей, оставалось лишь стремление к реальным, конкретным ценностям, к успеху и наживе.

⁶ «Opinione», 1873, № 365, p. 1.

⁷ A. Labriola. Del Socialismo. Roma, 1889, p. 23.

⁸ A. Labriola. Lettere a Engels. Roma, 1949, p. 2.

⁹ 123 lettere inedite di A. Labriola a B. Spaventa.— «Rinascita», 1954, № 1, p. 74. Supplemento.

¹⁰ «Трансформизм» — процесс перехода отдельных, прежде оппозиционно настроенных групп и деятелей буржуазии к поддержке правительства. «Трансформизмом» называют также политическую систему, при которой решающую роль в политической жизни страны играют парламентские блоки и деятели, широко применяющие практику беспринципных компромиссов, беззастенчивых маневров, подкупа и обмана.— *Прим. ред.*

Антонио Лабриола был одним из тех, кто наиболее глубоко понимал всю пагубность и омерзительность происходившего, хотя он наблюдал скорее всего отражение этих явлений в сфере научной жизни. Отсюда проистекала его ненависть и отвращение к таким деятелям, как Никотера, Депретис, и им подобным¹¹. Уже в это время взгляды Лабриолы в горенным образом отличались от позиции старых поборников «этического государства» из числа неаполитанских левых гегельянцев, которых он ценил за честность и благородство побуждений. Благодаря своему психологическому и политическому чутью и чисто неаполитанскому уменью быстро схватывать и понимать Лабриола очень скоро убедился в политической несостоятельности левых гегельянцев. Он видел теперь, что преобразование общественных устоев должен заняться кто-то другой.

В рабочем движении 1876 г. был тем временем, когда влияние анархизма уже пошло на убыль. В миланском кружке по изучению общественных наук стали поговаривать о создании крупной итальянской социалистической организации. Биньями начал выступать с критикой анархистского направления.

В 1879 г. процесс, начавшийся в 1876 г., достиг решающей фазы. В этом году Андреа Коста¹² обратился с известным письмом к своим друзьям в Романье. Рождалось то социалистическое движение, которое создало затем Итальянскую социалистическую партию. Именно тогда примкнул к социализму Антонио Лабриола, и это не было случайным совпадением. Как только социалистическое движение отделилось от анархистского, Лабриола выступал уже как социалист. Он был, правда, ученым, профессором университета, а не профессиональным организатором или агитатором. Но он в 1876 г. в знак протеста против убогости официальной политической и научной жизни уже занимался с членами рабочего кружка, а в 1879 г. открыто заявлял в кругу друзей о своих социалистических убеждениях. В 1886 г. кандидатура Лабриолы, выдвинутая от избирательного округа Терни, представляла крайние радикальные, социалистические круги. Этот факт сам по себе — даже если бы не было других обстоятельств, о которых говорилось выше, — свидетельствует о том, что Лабриола занимал задолго до этого определенную политическую позицию.

В 1887 г. Лабриола вместе с левыми кругами боролся против попыток заключить перемирие с Ватиканом. Эта борьба привела к существенным политическим результатам, а сам Лабриола придавал ей столь большое значение, что даже спустя много лет неоднократно упоминал о ней в письмах к Энгельсу. В период с 1888 по 1891 г. Лабриола принимал активнейшее участие в руководстве борьбой безработных римских рабочих. Он усиленно искал организационные формы, которые позволили бы успешно руководить этой борьбой. Он пытался создать соответствующую лигу, которую рассматривал как пропагандистский центр, являющийся прочным оплотом сопротивления и центром сознательной подготовки будущего.

Имеется еще один документ, относящийся к 1887 г., который красноречиво свидетельствует об умонастроении Лабриолы этих лет, — его письмо к Баккарини¹³. Лабриола считал в то время, что необходимо бороться против откровенно реакционных сил и одновременно против трансформизма с целью «восстановить нормальное функционирование парламентской системы правления»; нужно, чтобы радикалы и социалисты нашли

¹¹ Дж. Никотера и А. Депретис — буржуазные политические деятели, изменившие буржуазно-демократическому лагерю и перешедшие на сторону монархистов. — *Прим. ред.*

¹² А. Коста — один из основателей Социалистической партии Италии. — *Прим. ред.*

¹³ Баккарини — деятель буржуазной «левой». — *Прим. ред.*

«общий язык не на основе создания беспринципного блока, а на основе программы «подлинно радикальной демократической партии». Отмечая необходимость создания такой партии, Лабриола подходил к этой задаче с позиции не радикала, а социалиста. «Два важных и насущных вопроса,— писал он в письме к Баккарини,— встают перед нами, и они как будто специально существуют для того, чтобы мы раз и навсегда смогли, наконец, выяснить, кроется ли за названиями консерваторов и радикалов, умеренных и прогрессистов действительно что-либо серьезное и реальное. Я имею в виду вопрос о наших отношениях с церковью и то, какое направление надлежит дать социальной политике; обо всем этом я говорю, исходя из соображений политической целесообразности, а не руководствуясь собственными пристрастиями, ибо, что касается меня, то я социалист по своему мировоззрению и убежденный противник всех католических доктрин, вместе взятых. Я это доказал недавно в ходе одного нашумевшего спора»¹⁴. А в конце своего письма Лабриола указывает, что радикальные идеи были до того времени преимущественно монополией анархистов и надо освободить эти идеи от «секвестра со стороны людей, которые, подвизаясь на ниве быстротечных революций, являются ныне ревностными поборниками политического сектантства»¹⁵.

22 января 1888 г., читая лекцию о народной школе, Лабриола настойчиво развивал эту мысль, а в другой лекции, 20 июня 1889 г. он обстоятельно изложил свое политическое кредо. Лабриола выступил с резкой критикой не только лицемерия либерализма, но и лицемерия буржуазной демократии и поставил вопрос о необходимости классовой борьбы в такой форме, в какой это мог сделать лишь абсолютно убежденный и сформировавшийся социалист.

«Массы,— говорил Лабриола,— представляют собой ныне уже не плебс, а народ. В беспощадной борьбе между миром капитализма и миром труда массы трудящихся, которым на предвыборных собраниях на четверть часа в год присваивается пышный и освященный законом титул суверенного народа, но которые на деле являются на протяжении всего года рабами владельцев средств производства, остро чувствуют иронию собственной судьбы и позорное противоречие, вытекающее из самой сути политической демократии, в силу которой люди являются одновременно и гражданами и рабами. Система политической демократии с ее туманными обещаниями, которые никогда не выполняются, ибо они иллюзорны, породила в наши дни социальную проблему, принявшую огромные масштабы. Социалисты открыто требуют, чтобы демократия перестала наконец быть многоликой ложью и стала простой правдой... Ведь не может же быть гуманным такое общество, при котором неизбежно рабство... Социалисты требуют не уступок, а завоеваний; они рассматривают политические свободы как движущую силу и стимул для новых достижений и дальнейшего развития. Ведь именно политические свободы и дают возможность воочию убедиться в разнице между предполагаемыми, а бы сказал — почти идеальными условиями существования гражданина, и фактическими условиями жизни трудящихся. Социалисты не отвергают политические свободы, а хотят их лишь дополнить. Не будет сделано ни одного шага назад, а много шагов вперед по пути политической демократии. Социалисты стремятся подвести экономическую базу под суверенитет народа и хотят поднять экономику до уровня морали; они хотят утвердить новое право, которое по справедливости явится равным для всех... Они хотят, чтобы ни один человек не был рабом другого, не служил орудием обогащения другого»¹⁶.

¹⁴ A. Labriola. Scritti vari. Bari, 1906, p. 319 и сл.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ A. Labriola. Del Socialismo, p. 12 и сл.

Наложив эти идейные посылки, Лабриола сформулировал и конкретные требования: «право на существование; право на культуру; право на труд; право на полное вознаграждение за произведенную работу». Средства для достижения этих требований, по его мнению: «пропаганда», «забастовки», «кооперация», «организация трудящихся»¹⁷.

Такая концепция социализма, — как, впрочем, и все другие концепции итальянского социализма, возникавшие в те годы в борьбе против анархизма, — не выходила за рамки социальных реформ. В Италии еще не сложилось такое революционное социалистическое учение, которое не только отличалось бы от анархистской доктрины, но и могло бы быть ей противопоставлено.

Однако взгляды А. Лабриолы все же представляли собой наиболее передовую и органичную социалистическую концепцию, сформулированную в период до распространения марксизма в Италии. Интересна в этой связи оценка, содержащаяся в передовой статье журнала «Cuore e Critica», органа итальянских социалистов (уже со следующего номера журнал стал именоваться «Critica Sociale» и выходит под редакцией Турати). Так, журнал видел в Антонио Лабриоле не «профессора», который неожиданно обратился в социалистическую веру, и не человека, который в 1886 г. (как это утверждал, например, Кроче) внезапно вышел из умеренного и консервативного кружка Спавенты готовым демократом и социалистом, а одного из видных деятелей итальянского социализма. В статье, комментирующей выборы 1890 г., говорилось: «Коста более не одинок. В палату вошли Колайяни, Прампolini, Казилли, Маффей и ряд других, чьи взгляды отличались ярко выраженными социалистическими тенденциями. А скоро присоединятся (это нетрудно предвидеть) Турати, Биссолати, быть может Ньюкки-Виани, Лабриола и другие»¹⁸.

В заключение, определяя и анализируя сущность домарксовского социализма Антонио Лабриолы и в то же время оценивая его теоретическое и практическое значение, следует отметить, что вслед за периодом жизни Лабриолы, посвященным почти целиком философии, наступил другой период, когда он, оставаясь философом определенной, строго научной формации, учеником Спавенты, стал все более интенсивно заниматься проблемами классовой борьбы. Именно интерес к этим проблемам привел его к домарксовскому социализму, а затем и к марксизму.

* * *

Точно установить, какие именно события и соображения побудили Антонио Лабриолу вплотную заняться изучением марксизма, не представляется возможным. Но, несомненно, это было связано с кипучей деятельностью Лабриолы среди римских рабочих в период между 1888 и 1890 гг. Сам Лабриола рассказывал о сотнях собраний и совещаний, в которых он принимал участие, а для такого исключительно добросовестного человека, как Лабриола, подобное заявление не было просто общей фразой. Знакомство с марксистской теорией оказало огромное воздействие на него, очевидно, именно потому, что устремления Лабриолы были не отвлеченными, книжными, а сочетались в те годы с его активной организаторской и политической деятельностью среди рабочих Рима.

Если бы нас спросили, какова была, начиная с 1887 г., доминирующая политическая мысль у этого «профессора», мы, не колеблясь, ответили бы: партия. Еще не став марксистом, Лабриола думал о создании массовой народно-демократической партии, которая объединила бы радикалов и социалистов на основе ясной и конкретной политической программы; такой партии, которая была бы новым явлением в Италии, представляя

¹⁷ A. Labriola. Del Socialismo, p. 12 и сл.

¹⁸ «Cuore e Critica», 1890, ultimo numero, p. 1.

собой широкий демократический фронт, способный по-настоящему преобразовать страну.

Став марксистом, Лабриола представлял себе партию по-иному — как рабочую партию. Так, в апреле 1890 г. он писал: «Мы хотим иметь сильную и организованную рабочую партию, мы хотим иметь сознательный пролетариат, способный выстоять и идти вперед, дабы новые (т. е. социалистические. — *Дж. Б.*) концепции, выйдя из тумана абстрактной теории, стали новыми конкретными формами человеческого сообщества»¹⁹.

Антонио Лабриола вместе с Турати начал борьбу за организацию и создание Итальянской социалистической партии, которая оформилась затем в 1892 г. на Генуэзском съезде. Однако вскоре между ними возникли разногласия, которые с годами углублялись все больше, пока не обострились до предела. Произошло это после того, как со смертью Энгельса ушел неоспоримый для всех авторитет и, в известном отношении, арбитр, ибо Энгельс видел одновременно и правильность принципиальных позиций Лабриолы и слабости итальянского рабочего движения, приводившие зачастую к организационным, идеологическим и политическим срывам. Лабриола ни на минуту не оставлял мысли о создании такой партии, которая не была бы ни анархистской тайной сектой, ни сборищем реформистов, а являлась бы сильной массовой организацией, которая вдохновлялась и руководствовалась бы марксистским учением. Эта мысль непрерывно и настойчиво владела им в 1890—1900 гг., когда, будучи глубоко недоволен деятельностью итальянских социалистов, он снова и снова ставил перед собой эту цель. Однако Лабриоле не удалось ее осуществить, и в этом сказались, наряду с другими обстоятельствами, также многие его недостатки и слабости.

«Создание и опубликование Антонио Лабриолой «Очерков материалистического понимания истории» знаменовало собой появление в Италии марксизма как критической мысли, как концепции жизни и истории, — справедливо отмечал С. Ф. Романо. — «Очерки» сыграли в развитии итальянской культуры положительную роль, которая была признана всеми историками того времени. Они способствовали введению передовой, диалектической мысли в философию, в историю и вообще в итальянскую культуру. В то же время труды Лабриолы означали и нечто еще более важное — появление в Италии марксизма именно как мировоззрения итальянского рабочего движения. До этого времени итальянское рабочее движение развивалось сначала под влиянием мелкобуржуазной идеологии Бакунина и бакунистов, а затем подверглось воздействию, с одной стороны, отдельных разнородных идеологических концепций, а с другой — так называемого научного социализма, представлявшего собой на деле мешанину из отдельных марксистских принципов и буржуазного позитивистского социализма. С появлением «Очерков» Антонио Лабриолы в Италии впервые возник, будучи плодом итальянской мысли, верный духу Маркса и Энгельса марксизм. Явление это было крайне важным для рабочего движения нашей страны (несмотря на то, что философские взгляды Лабриолы оказали поначалу лишь слабое влияние на социалистическую партию), ибо составляло одно из главных условий прогрессивного развития рабочего движения и партии рабочего класса»²⁰.

Важно отметить, что Антонио Лабриола, подобно Плеханову в России, лишь теоретически подготавливал социалистическую партию и сделал лишь первый шаг навстречу рабочему движению. Вместе с тем нельзя представлять себе возникновение рабочей партии в Италии так: Лабриола ограничился будто бы областью марксистской теории, в то время как Турати осуществил соединение марксизма с рабочим движением²¹.

¹⁹ A. Labriola. Scritti vari, p. 344.

²⁰ S. F. Romano. Conferenza su Antonio Labriola alla Scuola di Partito, 1954, p. 14.

²¹ Так пишет Г. Манакорда в своей книге о социалистических съездах. — См. G. Manacorda. Il movimento operaio italiano. Roma, 1953, p. 271—276, 295—296 и сл.

Важно подчеркнуть, что в борьбе между Лабриолой и Турати почти всегда оказывался прав Лабриола, и Энгельс, поправляя отдельные детали Лабриолы, как правило, в конце концов принимал его сторону.

Турати не осуществил и не мог осуществить слияния рабочего движения с марксизмом, ибо марксизм как революционное учение пролетариата был ему чужд. Более того, Турати способствовал заражению рабочего движения разного рода мелкобуржуазными идеями, которые причинили ему большой вред; потребовалась упорная и последовательная борьба, чтоб направить итальянский пролетариат на марксистский путь, и действительное соединение марксизма с рабочим движением осуществили именно те, которые последовательно вели эту борьбу, в первую очередь Грамши

Антонио Лабриоле принадлежит большая заслуга распространения в Италии марксистского учения, и его деятельность является поэтом частью истории Коммунистической партии Италии. Но Лабриола при содействии Энгельса пытался достичь большего: слияния марксизма с рабочим движением. Этого он не смог осуществить главным образом потому что в то время не созрели еще объективные условия и итальянское рабочее движение сильно отставало по сравнению с общеевропейским. Однако понимание единства мысли и действия было присуще Лабриоле органически. Он непрестанно думал о необходимости создания подлинной пролетарской партии прежде всего потому, что чувствовал необходимость, чтобы партия развернула свою работу в массах и чтобы деятельность партии стала существенным фактором итальянской политической жизни. Это ясно видно из переписки Лабриолы как с Энгельсом, так и с Турати. 30 марта 1891 г. Лабриола писал Энгельсу о волнениях среди безработных, о десятках тысяч оставшихся без работы рабочих во Флоренции, в Неаполе, о разгоне манифестаций против безработицы в Риме, Мессине, Катании, об арестах и обысках. «Между этими стихийными явлениями,— писал Лабриола,— и возросшим сознанием необходимости пролетарской революции в Италии не хватает связующего звена, а именно: социалистической культуры»²². По мере того как Антонио Лабриола принимал все более активное участие в борьбе безработных, бывал на рабочих собраниях, участвовал в демонстрациях протеста, в организации лиги безработных, у него все более зрела мысль, что итальянскому рабочему движению нужно дать соответствующее теоретическое оружие — изложение основ марксистского учения. Так, 9 ноября 1891 г. он писал Энгельсу: «Вскоре мне понадобятся Ваша помощь и совет, ибо я задумал кое-что для популяризации идей научного социализма... Чтобы социализм мог возникнуть и развиваться в Италии, необходим целый ряд условий, которых ныне еще нет, вот почему было бы хорошо, если бы пока что не искажалась хоть сама концепция»²³.

Тем временем Турати, опираясь на журнал «Critica Sociale», делал все возможное, чтобы концепция социализма была искажена. Демагоги всех мастей имели свободный доступ на страницы журнала. В том же 1891 г. Лабриола послал Турати письмо, преисполненное негодования: «Я удаляюсь и буду ждать удобного случая, чтобы заявить во всеуслышанье о том, что я решил снова стать тем, кем я был уже на протяжении многих лет, и о чем иные не знали, а именно: философом социализма, и что у меня нет ничего общего — ни в плане теоретическом, ни в плане практическом — с теми, кто объявляют себя в Италии социалистами... Я пришел к твердому убеждению, что итальянский социализм представляет собой не начало новой жизни, а наиболее далеко зашедшее проявление политической и духовной коррупции»²⁴.

²² A. Labriola. Lettere a Engels, p. 13.

²³ Ibid., p. 39.

²⁴ A. Schiavi. Filippo Turati attraverso le lettere di corrispondenti. Bari, 1947, p. 82.

Но, разразившись этой гневной тирадой, Лабриола понял, что его долг — продолжать борьбу в рядах социалистической партии, такой, какая она есть, вместе с Турати и против Турати. Лабриола писал Энгельсу 21 мая 1892 г.: «Я не в состоянии вернуться к жизни созерцателя и не могу ограничиться только профессией ученого»²⁵.

Коренная причина разногласий Лабриолы с Турати заключалась в различном отношении к партии. Инициатива ее создания принадлежала Лабриоле, и он не хотел, чтобы в этой партии оказались, как того требовал Турати, все и вся без разбора. Об этом красноречиво свидетельствует письмо к Турати от 18 января 1891 г., в котором Лабриола писал: «Вы поинтому смотрите на этот вопрос, чем я. Вы хотите заниматься пропагандой среди буржуазии, Вы хотите привлечь ее симпатии к социализму; да поможет Вам бог в Вашей филантропической затее. Что касается меня, то я считаю буржуев годными лишь для одного: быть повешенными. Мне, к сожалению, не доведется их вешать самому, но я не хотел бы способствовать даже тому, чтобы их вешали с опозданием... Я вижу лишь один выход: а) четко изложить социалистическое учение; б) подчинить все рабочим ассамблеям; в) сделать антипарламентаризм своим знаменем»²⁶. Едва ли здесь нужно пояснять, что, говоря об антипарламентаризме, Лабриола имел в виду не отказ от участия в избирательной борьбе, а то, что депутаты-социалисты должны (как в парламенте, так и вне его стен) не сотрудничать с буржуазией, а разоблачать ее происки.

В то время речь шла о создании такой партии, которая не стала бы орудием в руках буржуазной демократии, в руках Джолитти и правящих классов Италии. Позиция Лабриолы была абсолютно правильной, и Энгельс поддерживал его в этой борьбе. Так, из писем Лабриолы ясно видно, что Энгельс предостерегал его от пессимистических настроений, указывая, что работать нужно в сложившихся исторических условиях с тем материалом, который имеется. Но в то же время Энгельс защищал точку зрения Лабриолы от нападок Турати.

В 1892 г. депутаты-социалисты голосовали за Джолитти. Лабриола был вне себя от гнева и писал Энгельсу: «Они покончили с собой». Турати высказывал все большую нетерпимость в отношении Лабриолы, ибо последний разоблачал Турати в глазах немецких социал-демократов как оппортуниста и путаника; борьба между Лабриолой и Турати принимала все более ожесточенный характер. «Ваша марксистская теория,— писал Турати Лабриоле,— чересчур педантична, далека от действительности, от запросов рабочих». Получив это письмо, Лабриола был крайне возмущен и 24 июля 1892 г. ответил Турати: «Вы ошибаетесь, полагая, что у меня нет связи с рабочими. Я вел весьма деятельный и даже кипучий образ жизни в Риме с 1888 по май 1891 г.: я прочел не менее 200 лекций и принимал участие в таком же количестве собраний... В мой дом без конца приходили рабочие со всех концов Италии, и Аньини, Маффей, Прампolini и Бальдуччи, раскрыв рот, слушали то, что я рассказывал им о различных событиях и о мельчайших фактах, связанных с их родными краями»²⁷.

Вот чем объясняется (хотя это и не оправдывает его) то, что Лабриола отказался поехать на съезд социалистической партии. В письме к Энгельсу от 2 сентября 1892 г. Лабриола писал об этом: «Вот уже два года как я веду весьма любопытную эпистолярную полемику с Турати. Началась она с того момента, когда я предложил ему обратиться с адресом к съезду в Галле, чему он в известной мере противился».

Ссылаясь на борьбу, которая велась между легалитаристами и антилегалитаристами, на то, что он писал в «Critica Sociale», на его манию —

²⁵ A. Labriola. Lettere a Engels, p. 61.

²⁶ A. Schiavi. Filippo Turati..., p. 79.

²⁷ Ibid., p. 91.

все охватить и всех удовлетворить — и на его пристрастие — хвалить и хулить кого и как ему вздумается, я убеждал его избрать какой-либо определенный путь, решиться наконец выступить в пользу того или иного учения, той или иной линии поведения. А он в ответ стал называть меня и марксистом, и немцем, и идеологом, и не знающим жизни, и поборником прямолинейности. В таком духе дело шло до 25 июля этого года. Я отка- зался ехать в Геную, потому что Турати и другие писали мне из Милана четкая программа — дело невозможное; надо лавировать между анархистами, социалистами и сторонниками «чистой рабочей партии»; итальянские рабочие не созрели для политики; надо ждать; мне предложено поехать в Геную защищать мои идеи»²⁸. (Лабриола подчеркивает здесь слово «мои», потому что Турати всячески старался дать ему понять, что идеи Лабриолы — это не идеи партии). «Анархистов, — писал Лабриола в том же письме, — сможет поглотить или ликвидировать какая-нибудь крупная организация, когда таковая будет, но над ними не сможет одержать верх горстка социалистов, которые делают все, чтобы казаться не революционер- ными, и которые стремятся убедить всех, что они легалитаристы»²⁹.

Однако Лабриола, вопреки всему, видел и то положительное, что созда- валось благодаря деятельности социалистов и в результате самой этой полемики. Пусть с огромными недостатками и слабостями, в конце кон- цов все же существовала партия, существовала газета, хотя программа партии и «голосовалась как попало». В итоге, писал Лабриола Энгельсу: «имеется эмбрион чего-то»³⁰.

В силу многих объективных и субъективных причин Лабриоле не уда- лось в то время достичь слияния марксистской теории с рабочим движе- нием. Но для данной исторической обстановки и в меру своих сил он сде- лал все же известный шаг к решению этой задачи, в то время как рефор- мисты делали все, чтобы помешать Лабриоле: они его изолировали, чини- ли ему всякие препятствия, даже бойкотировали его. А когда он умер, они стали клеветать на него, распространяя мнение (не изжитое и сейчас), будто Лабриола был только профессором, ученым, философом, способным занимать кафедру, но не способным понять организационные проблемы и цели политической борьбы.

После съезда Антонио Лабриола обратился к деятельности, которую Турати и его единомышленники не в силах были воспрепятствовать: он занялся популяризацией марксизма, выполнив задачу, имевшую для итальянского социалистического движения первостепенное значение. Но и на этом поприще он встретил неисчислимые трудности. 12 марта 1893 г. Лабриола писал Энгельсу: «Два слова о себе лично. Я никак не могу решиться изложить в брошюре генезис «Манифеста Коммунисти- ческой партии», хотя он абсолютно ясно, вплоть до мельчайших подро- бностей оформился у меня в голове. Тут дело не в лени. Я всегда, с самог- детства, был тружеником. И дело не в том, что нет литературы. В моем распоряжении столько книг... Не подумайте, что мне не хватает граждан- ского мужества, ибо трудно ведь быть более скомпрометированным, чем я, и с кафедры я скажу все так, как я думаю. Настоящая трудность заклю- чается в отсутствии каких бы то ни было национальных трудов в этой области, написанных ранее, на которые можно было бы опереться — пусть даже ошибочных и неверных, — и в отсутствии национальных ус- ловий в прошлом, — иначе говоря, в том, что нет какой-либо точки опоры, ибо позади и вокруг я вижу пустоту. Как восполнить пробел целого века истории? Как показать события, людей, теории и т. д., когда речь идет об исторических фазах и моментах, которые не были ни пережиты

²⁸ A. Labriola. Lettere a Engels, p. 70.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

ни познаны Италией?.. Никакое идейное направление не может восполнить пробела в самой истории»³¹.

Занявшись марксистской теорией, Антонио Лабриола в то же время не отошел от политической борьбы. Наоборот, именно в эти годы он был особенно активен. С одной стороны, он продолжал бороться против того, что именовал тураттианским оппортунизмом, с другой — он в решающие моменты сумел даже оттеснить социалистическую партию и, как мы увидим ниже, взять в свои руки инициативу в проведении политических действий, которые имели весьма важные последствия для политической жизни Италии.

У Лабриолы, конечно, бывали минуты отчаяния и пессимизма, вызванные сложившейся обстановкой, которая так его угнетала. Но с помощью Энгельса ему удавалось преодолевать эти настроения. Энгельс ободрял его, и Лабриола отвечал ему: «Вы правы, я должен быть мужественнее»³². Впрочем, быть может, это было и выше его сил — создать при тогдашней обстановке необходимые условия для своей политической деятельности.

Лабриола предложил Энгельсу устраивать ежегодно собрание с участием марксистов из других стран — не съезд, а своего рода собрание, небольшой комитет, с целью обмена опытом, что служило бы для него поддержкой и опорой. Характерно, что Лабриола искал этой опоры у Энгельса, у немецкой социал-демократии, у Геда и даже у Лафарга, но не верил, что может найти ее у итальянских социалистов.

* * *

В 90-е годы в политической жизни Италии произошли крупные события, активным участником которых был Антонио Лабриола.

В конце 1892 г. Лабриола получил (каким путем — неизвестно по сей день) документы, свидетельствовавшие об участии правительства в аферах Римского банка. Он мог, конечно, побудить социалистическую партию развернуть по данному поводу большую политическую кампанию против правительства, организовать широкое массовое движение. Но он не поступил так, боясь, как бы социалистические лидеры не доверились Джолитти, не капитулировали затем перед ним.

Получив материалы, касавшиеся этого скандального дела, Лабриола организовал наступление. По вопросам сугубо технического и финансового порядка он советовался с Маффео Панталеони, повидался с Колайянни, договорился с ним о том, в какой форме Колайянни подлежало выступить против правительства. Таким образом, Лабриола дал толчок тому, чтобы скандал разразился. Мы не станем сейчас вдаваться в подробности. Дело Римского банка не было секретом в экономических и финансовых кругах. Сам Лабриола подчеркивал тот факт, что редакторы «Giornale degli Economisti» были в курсе дела и даже в какой-то мере участвовали в заговоре. Но для них речь шла о «внутренней» проблеме итальянской буржуазии, и они отнюдь не желали вызвать скандал, в который был бы вовлечен — как это и произошло — весь правящий класс.

«Теперь, — писал Лабриола Энгельсу 15 января 1893 г., — нападают на Панталеони за то, что он отступил; за то, что он оказался на поводу у социалиста и принял услуги Колайянни. Вы можете представить себе, как разыгрались в связи с этим страсти. Дело дошло до того, что Панталеони уведомил меня три дня назад, что он считает неуместным сейчас то издание, о котором я договорился с М., принимая во внимание еще и ту опасность, которая угрожает ему лично»³³.

³¹ Ibid., p. 101—102.

³² Ibid., p. 105.

³³ Ibid., p. 93—94.

И действительно, угроза нависла над жизнью Панталеони, но в еще большей степени и более непосредственно опасность угрожала самому Антонио Лабриоле, его жизни: так, в течение определенного времени, как вспоминают об этом его близкие, он вынужден был, особенно по вечерам, выходить только в сопровождении кого-либо.

«В общем обошлось,— писал Лабриола Энгельсу 19 января 1893 г.,— как обошлось и в 1887, когда я предпринял кое-какие действия с целью сорвать переговоры о перемирии между Ватиканом и Квириналом... После того как Колайяни выступил с интерпелляцией, он уехал в Сицилию; Панталеони тоже отправился подальше отсюда из-за своих дел. В течение многих дней казалось, что правительство намеревается и дальше выступать в роли соучастника (Римского банка.— *Дж. Б.*), и правительственная печать яростно нападала на разоблачителей. Была опасность, что нас могут убить... Социалисты палец о палец не ударили. Вы заметили, конечно, полное молчание газеты «Giustizia» и глупость «Lotta di classe». Не знаю, право, что делать, и больше я по этому поводу дискуссий не веду»³⁴.

Энгельс встал на сторону Лабриолы и сурово осуждал Турати за то, что социалистические депутаты (и сам Турати) не реагировали на интерпелляцию Колайяни по поводу Римского банка, а предпочли воздержаться. В открытке от 1 февраля 1893 г. Энгельс писал Турати, что если бы немецкие депутаты-социалисты вели себя подобным образом в таком деле, то «это стоило бы им парламентских мадатов»³⁵. В то же время Каутский (которого Лабриола иронически называл «осторожный и умеренный Каутский»³⁶) не захотел напечатать статью Антонио Лабриолы о банковских делах в Италии, видимо потому, что не желал ссориться с Турати. Несомненно одно: с января по июль 1893 г. Лабриола, будучи в полном одиночестве, пережил очень тяжелые месяцы. Ему угрожали и его всячески оскорбляли. Его друзья из среды интеллигенции, в той или иной мере фрондировавшие, поправили и покинули его. Турати и депутаты-социалисты были недовольны Лабриолой и за то, что он развернул свою политическую акцию отдельно от них, и за то, что он представил их Энгельсу как оппортунистов, путаников и людей, связанных с Джолитти. Так, Лабриола писал Энгельсу 1 июля 1893 г.: «Это дело с банками, само по себе тяжкое, очень серьезно отразившееся на моем положении, принесло мне много хлопот, много горьких разочарований и выявило много измен (удовлетворяет лишь то, что последующие события подтвердили правильность того, что я излагал вам и Маурицио, начиная с первого декабря)»³⁷. Были ли эти слова намеком на высказанное Лабриолой Энгельсу еще в декабре 1892 г. предположение, что социалисты не предпримут никаких действий? «Из этого испытания,— писал далее Лабриола,— я почерпнул многое; главное же я понял, что мы вступили здесь в Италии в печальный и мрачный период, лишенный всякого просвета»³⁸.

Скандалная история с Римским банком нанесла между тем тяжелейший удар по правящему классу Италии, который долго не мог от него оправиться; последствия его еще давали себя знать, когда в августе 1893 г. произошли события в Эг Морте. И тут Антонио Лабриола снова был на передовой линии борьбы. Это он написал обращение Неаполитанского социалистического кружка и неустанно направлял его действия; он находился в это время в Неаполе, там, где борьба приняла наиболее острый характер.

³⁴ A. Labriola. Lettere a Engels, p. 94.

³⁵ A. Schiavi. Filippo Turati..., p. 103.

³⁶ A. Labriola. Saggi intorno alla concezione materialistica della Storia. Parigi, 1939, p. 225.

³⁷ A. Labriola. Lettere a Engels, p. 110.

³⁸ Ibidem.

«Повсюду происходят волнения,— писал он 27 августа 1893 г. Энгельсу,— но в Неаполе произошло нечто более серьезное. На четвертый день полиция решила насильем подавить слишком бурные выступления народа. Вспыхнули страшные *Strassenkämpfe* [уличные бои] между народом и полицией, продолжавшиеся три дня. Женщины, юноши, подростки — все сражались с удивительным мужеством. Очень много раненых, немало убитых... На сей день две тысячи арестованных»³⁹. А в следующем письме Лабриола писал, что за теми, кто так мужественно сражался, «за теми — будущее»⁴⁰.

Находясь в Неаполе, Лабриола не терял времени напрасно. Он не только руководил борьбой неаполитанских социалистов и народных масс, но и установил контакт с «мужественным Имбрианни» (он снова использовал такого человека, который, как и Колайянни, был безусловно честен, был готов к боевым действиям против правительства и не принадлежал к группе Турати) с целью убедить его поставить в парламенте «вопрос о двух миллионах, нажитых королем на крахе Тибрского банка». Он писал Энгельсу: «Теперь готовится дело, Мефистофель по-прежнему за работой»⁴¹.

В это же время началось широкое движение сицилийских фаши. Движение это имело, конечно, свою предысторию, связанную с обстановкой в самой Сицилии и с развитием местного рабочего и крестьянского движения. Однако несомненно и то, что борьба фаши была в известной мере обусловлена обострением общей политической борьбы, нараставшей по всей стране. Борьба означала прямое действительное вмешательство крестьянских масс в ход событий общенационального масштаба. Не случайно факты разложения и коррупции, какими запятнало себя центральное правительство, были вскрыты именно сицилийцем — человеком, пользовавшимся большим авторитетом и уважением в радикальных и социалистических кругах, — Колайянни. Это произвело огромное впечатление в Сицилии, пробудило дух борьбы среди представителей радикальной интеллигенции, дошло и до сознания крестьянских масс. Дальнейшим толчком явились события в Неаполе и в Риме. В письме Энгельсу от 21 октября 1893 г. Лабриола отмечал: «Восстания в Неаполе и в Риме всколыхнули народные страсти, которые долгое время либо не проявлялись, либо были приглушены. В Сицилии возникла угроза гражданской войны. Скандалное дело с банком продолжает подрывать всякую репутацию». А 14 декабря 1893 г. он писал: «Возрождаются революционный дух, народная инициатива и демократическое сознание в широком смысле этого слова. А какая интуиция, какая быстрая реакция у этих сицилийцев! Ныне любой авторитет оспаривается, и монархия уже не обладает силой. На авансцену выходит пролетариат. Сейчас все это отчасти еще в хаотическом состоянии, — иначе и не могло быть. Но из этого, быть может, выкристаллизуется самое настоящее социалистическое сознание с соответствующей партией». Еще через два месяца, 15 февраля 1894 г., Лабриола писал: «Италия в самом деле вступает в период исторического кризиса»⁴².

Деятельность Лабриолы во время выступлений сицилийских фаши имела очень важное значение. Трудно было бы требовать большего от человека, которого фактически бойкотировала его собственная партия и который действовал как мог, используя лишь свое влияние и свой личный авторитет. Несмотря на пассивность и враждебность большей части социалистических лидеров, Лабриола сделал все, что было в его силах, чтобы развернуть борьбу и ускорить кризис, и это ему в значительной степени удалось. Знаменитое письмо Энгельса из Лондона, посланное в январе

³⁹ A. Labriola. Lettere a Engels, p. 120.

⁴⁰ Ibid., p. 124.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., p. 127.

1894 г. руководству Итальянской социалистической партии⁴³, основывалось прежде всего на том информационном материале, которым Лабриола систематически снабжал в те годы немецкие социал-демократические газеты и лично Энгельса.

Осенью 1894 г. Лабриола чуть не стал жертвой правительственных репрессий. Он писал тогда Энгельсу, что, как ни странно, но спасла его именно скандальная афера Римского банка, ибо то обстоятельство, что он многое знал и мог рассказать на судебном процессе, позволило ему избежать ареста. «Милый и чудодейственный Римский банк,— писал он снова Энгельсу 13 декабря 1894 г.,— я тоже приношу тебе благодарность, ибо, даже будучи мертвым, ты все же сумел помочь мне (не знаю, понятно ли я изъясняюсь). Вот почему все эти наши социалисты вызывают у меня презрение. Из страха они позволили вырвать у себя из рук оружие наступления, являющееся единственным оружием обороны»⁴⁴.

В последующие годы, в особенности в 1900 году во время политического кризиса, Лабриола снова занял совершенно правильную политическую позицию и в том, что касалось анализа положения, и в том, что касалось задач, стратегии и тактики партии в столь важный в политической жизни Италии момент.

Следует при этом отметить, что в 1896 г. Антонио Лабриола серьезно заболел: это была болезнь горла, от которой он очень страдал и в юности. Осенью 1897 г. наступил паралич горловых связок. Было ясно, что это рак горла. В ожесточенной борьбе с болезнью он проявил большую силу духа. Вызывает восхищение та энергия, с которой он продолжал работать и бороться, будучи лишенным возможности пользоваться «демократическим органом речи».

* * *

Серьезной заслугой Антонио Лабриолы было и то, что он рассматривал аграрную и крестьянскую проблему как одну из основных проблем социализма. Это чрезвычайно важно не только потому, что Италия — страна, где сельское хозяйство играет, как известно, весьма важную роль, но и потому, что эта проблема была слабым местом большинства представителей международной социал-демократии, в том числе лучшей части немецких, французских социал-демократов и Плеханова.

Аграрной проблемы в Италии Антонио Лабриола коснулся в первом из своих теоретических трудов, в комментарии к «Манифесту Коммунистической партии». Современный социализм, писал он, натолкнулся на своем пути на крестьянскую массу. Социализм, основывавшийся и развивавшийся вначале — практически и теоретически — на изучении и на опыте антагонистических отношений между капиталистами и пролетариями в условиях промышленного производства, за последнее время ближе подошел к массам, над которыми довлеет «идиотизм деревенской жизни». «Завоевать деревню,— писал Антонио Лабриола,— вот что стоит на повестке дня». Он указывал на опыт в этой области немецкой социал-демократии и на трудности, с которыми она встретилась. «Предстоят длительные, нелегкие и даже тяжкие испытания,— писал он,— это объясняет, оправдывает и будет известное время оправдывать те ошибки, которые были и будут совершены на первых порах». Однако, продолжал он, «до тех пор, пока не будут завоеваны крестьяне, над нами всегда будет довлеть идиотизм деревенской жизни, который обуславливает и может вновь бессознательно возродить 18 брюмера и 2 декабря»⁴⁵. Обращая свой взор к крупнейшей крестьянской стране Европы — к России, Лаб-

⁴³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 472—475.

⁴⁴ A. Labriola. Lettere a Engels, p. 180.

⁴⁵ A. Labriola. In memoria del Manifesto di Communisti in Saggi intonno alla concezione materialista della Storia. Parigi, 1939, p. 39—41.

риола прозорливо указывал, что параллельно с завоеванием деревни социализмом «пойдет и развитие современного общества в России»⁴⁶.

Подчеркивая неотложную необходимость решения аграрного вопроса в такой стране, как Италия, Лабриола писал: «Современное государство — в условиях страны, являющейся преимущественно сельскохозяйственной, с преобладанием старых методов и форм земледелия, — вот что порождает ощущение всеобщего неблагополучия и недовольства, сознание несоответствия всего и вся»⁴⁷.

Лабриола правильно объяснял также распространение бакунистского социализма в Италии крестьянским и мелкобуржуазным характером страны и отмечал, что «в Италии первым признаком жизни, которым пролетариат заявил о себе, явились крестьянские восстания в Сицилии; за ними последовали такие же выступления на самом континенте и последуют, по всей вероятности, еще и другие»⁴⁸.

Представляет интерес и позиция Лабриолы в национальном вопросе. Лабриола рассматривал эту проблему в двух планах. Он считал, что социализм никогда не отрекается от прогрессивных традиций движения за национальное освобождение. Наоборот, он их осваивает и развивает. По мнению Лабриолы, итальянская буржуазия могла нести знамя нации лишь тогда, когда она была еще прогрессивным, революционным классом. Став классом реакционным, она превратилась тем самым в препятствие для развития нации, для прогресса народных масс, представляющих собой жизненную силу нации. Исходя из этого, Лабриола считал, что именно социалистам доступно глубокое понимание истории своей страны, именно они могут точно оценить национальные богатства и обеспечить возможность их дальнейшего развития в условиях социализма. В этом он коренным образом отличался от анархистствующих элементов и от революционеров максималистского толка, которые наивно полагали, что они проявляют высокий интернационалистский дух, глумясь над национальными ценностями и смешивая нацию, представляющую собой народ, с вырождающимися силами буржуазного национализма и империализма.

Рассматривая этот вопрос, Лабриола не ограничивался рамками одной лишь Италии: он занял на международной арене решительную позицию в вопросе о независимости Польши, выступив в 1896 г. на страницах журнала «Critica Sociale» против Филиппо Турати и Розы Люксембург. Еще до этого в статье, напечатанной в польской брошюре «Pamiętko Maiewa 1896», он писал: «Было время, когда благородные и героические сыны Польши сражались за свободу Италии под знаменем такого великого предводителя народа, каким был Гарибальди, и полили своей кровью землю Италии. Было время, когда все сыны Италии, преданные революции и исполненные чувства солидарности, которое связывает сознанием общего долга всех угнетенных, горячо ратовали за освобождение Польши. Много итальянцев прибыло в Польшу, чтобы мужественно сражаться за свободу страны и в дни последнего восстания 1863 г. Возглас «Да здравствует Польша!» неизменно звучал на всех патриотических и демократических манифестациях в Италии как в канун воссоединения страны, так и в дни, когда она только что объединилась... Теперь пришла наша очередь — очередь итальянских социалистов воскликнуть «Да здравствует Польша!». Для нас, олицетворяющих собой движение пролетарской революции, такие слова, как родина, свобода, народ, нация, имеют совсем иной смысл, который не допускает никакого лицемерия и никаких кривотолков и которым злоупотреблять нельзя. Говоря «Да здравствует Польша!», мы имеем в виду не только освобождение польской нации от господства России,

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

Австрия и Пруссия, — что, разумеется, является неперменным, первейшим условием внутренней свободы, — мы хотим сказать без всяких оговорок: «Да здравствует пролетарский социализм!». Вследствие загнивания старой аристократии и учитывая раболепную позицию и дух вашей буржуазии, одни лишь пролетарии способны освободить Польшу: так оно и будет. Ныне социалисты всех стран, желая здравия польской республике, понимают независимость Польши так же, как и вы ее понимаете... в вашей программе, т. е. что республика должна освободить Польшу от иностранного господства, а заодно освободить и польских рабочих от чудовищных препятствий на пути развития социализма, равных которым вне России нет... Рабочие русской Польши должны еще обеспечить себе те общие условия элементарнейших политических свобод, которые имеют даже их братья — подданные Австрии; но произойти это может лишь революционным путем. В создавшейся обстановке польские пролетарии заслуживают ободрения и восхищения со стороны социалистов всех стран. Однако есть одно обстоятельство, в силу которого польские пролетарии могут гордиться и собой и делом своих рук. Готовясь сами отвоевать независимость родины — поскольку они являются единственным жизнеспособным элементом нации, — они тем самым содействуют освобождению Запада от реакционной России и несомненно способствуют тому, чтобы в самой России быстрее шло развитие революции»⁴⁹.

Филиппо Турати в своей статье, напечатанной на страницах того же журнала, истолковывает позицию Антонио Лабриолы по отношению к Польше крайне злобно и глупо, изображая Лабриолу националистом и противопоставляя его Розе Люксембург. Это было время, когда вокруг независимости Польши разгорелся международный спор, в результате чего отношение к независимости Польши стало пробным камнем для определения позиции марксистов по национальному вопросу. Критику Розы Люксембург начал, как известно, Ленин. Но нет сомнения в том, что, хотя Лабриола и не знал о выступлении Ленина, позиция Лабриолы была наиболее близка к ленинской. Так снова в особенно сложном вопросе Антонио Лабриола показал себя строгим последователем марксизма, не рабом догматических формул, а защитником марксизма творческого.

Сказанное выше нельзя, однако, распространить на позицию Лабриолы в колониальном вопросе и на понимание им характера эпохи империализма вообще. В своем письме к Баккарини, опубликованном в журнале «Risveglio», Лабриола выдвинул предложение, неосуществимость которого он сам ощущал, чтобы в Эритрее, в уже завоеванной тогда колонии, земли были предоставлены трудящимся на условиях коллективного участия в обработке земли.

«Я лично не верю, — писал тогда Лабриола, — в способность буржуазного государства разрешить хотя бы одну из социальных проблем в том плане, как мы это понимаем. Однако для того, чтобы это наше убеждение стало силой общественного сознания, нужно прибегнуть к методу, который я назову методом объективной диалектики: ставить вопросы, говорить радикалам, прогрессистам, филантропам — вот где подлинные интересы народа, — а затем припирать их к стенке. Их бессилие должно быть доказано им на деле». Так Лабриола стремился доказать «вопиющее противоречие между государством, мнящим себя демократическим, и злоупотреблением государственной казной в интересах меньшинства». Он продолжал: «Я мало верю в плодотворность, в экономическую эффективность, вообще в Эритрею... А социалистические эксперименты я рассматриваю вообще как дело трудное, кто бы их ни осуществлял. Однако это не значит, что нельзя сказать со всей ясностью: либо Африка не может ничего дать, и политика эта абсолютно бессмысленна, либо она может кое-что дать, и тогда не торопитесь превратить свободную землю в уза-

⁴⁹ «Critica Sociale», 1896, № 10, p. 148.

коненный объект купли-продажи. Самое малое, что мы можем просить у вас, — это способствовать созданию кооператива трудящихся»⁵⁰.

Непонимание многих явлений империализма было присуще — до Ленина и после него — всем лидерам международной социал-демократии. Было оно присуще и тем, кто, подобно Лабриоле, стал решительно на защиту марксистского учения. Но по ряду важных проблем, которые волновали в то время рабочее движение, Лабриола занял правильную или близкую к марксистской позицию.

Так, в последние годы XIX в. Лабриола с большим политическим мастерством боролся против мильеранизма, против участия отдельных социалистов в буржуазном правительстве, против всех проявлений парламентского кретинизма, к которому тяготели Турати и итальянские социалисты. Он ополчился против ревизионизма Бернштейна, которого он именовал «кретином», и иронически отзывался о Каутском, весьма вяло протестовавшем попыткам ревизии марксизма.

В те же годы Лабриола вел ожесточенную борьбу против неокантианства, извращенных форм социологизма, позитивистской социологии, социал-дарвинизма и т. п. Многие из его разногласий с Турати были вызваны той путаной неопределенной и полупозитивистской идеологической направленностью, которая царил в журнале «Devenir Sociale». В надежде на лучшее Лабриола начал сотрудничать в журнале «Critica Sociale», но когда он увидел, что и здесь начал проявляться синдикалистский ревизионизм сорелевского толка, он порвал с Сорелем, как порвал и со своим прежним учеником и издателем Кроче, едва заметив, что тот пытается ревизовать марксизм в идеалистическом духе; ревизия эта, как известно, вылилась в последующие годы в общее наступление, последствия которого мы ощущаем еще и поныне.

2 февраля 1904 г. Антонио Лабриола после тяжелых страданий скончался. Его жизнь была посвящена борьбе за утверждение в рабочем движении Италии марксизма, за создание революционной пролетарской партии. Труды Антонио Лабриолы по праву занимают почетное место в сокровищнице итальянской культуры, являются неотъемлемой частью идеологического достояния Итальянской коммунистической партии.

⁵⁰ «Cuore e Critica», 16.IV.1890, № 7.